

***Разрешите обратиться!*¹**

Как лучше обратиться к незнакомцу на улице? *Молодой человек!*? *Девушка!*? *Сударыня!*? Или *Извините!*? Почему слова *шофер*, *водитель* и *таксист* с очень близким значением при обращении к человеку, сидящему за рулем, ведут себя по-разному? *Водитель!* – это «хорошее» обращение, а *Шофер!* и *Таксист!* – «плохие». Мы говорим *Водитель! Откройте заднюю дверь!*, но не *Шофер! Остановите у светофора!*. Неправильные или сомнительные предложения и словосочетания слов здесь и далее обозначены знаком вопроса. Почему, если в аудитории более одного слушающего, мы обращаемся к ней со словами *Друзья!*, *Коллеги!*, *Ребята!*, *Девочки!*, *Мальчишки!*, *Господа!*, *Офицеры!*, но не *Гости!*, *Соседи!*, *Родственники!*, *Студенты!*? Чем друзья лучше родственников, а коллеги – соседей? Почему слова, значение которых специально обозначает слушающего, то есть того, к кому мы обращаемся, например слова *радиослушатель* или *телезритель*, оказываются «плохими» обращениями? Дикторы радио никогда не говорят *Радиослушатели!*, а только *Дорогие радиослушатели!* или *Уважаемые телезрители!* От слов *радиослушатели*, *гости*, *соседи*, *телезрители* и других форма обращения обычно образуется с помощью прилагательных *дорогой* и *уважаемый*, даже если слушающий не всегда действительно дорог говорящему. Нам говорят *Уважаемые абоненты радиотрансляционной сети!*, *Дорогие гости!*, *Уважаемые пассажиры!*, а просто *Телезрители!*, *Зрители!* и *Гости!* как обращения не используются. Анализируя английские обращения, американские лингвисты Э. Щеглов и А. Цвикки показали, что английские слова с близкими значениями *doctor* ‘доктор’ и *physician* ‘врач’ в роли обращений ведут себя по-разному. *Doctor!* – это «хорошее» обращение, а *Physician!* – «плохое». Это наблюдение полностью приложимо и к русским словам *доктор* и *врач*. Мы говорим *Доктор, я буду жить?*, но не *Врач, я буду жить?*. Как мы заметили выше, аналогичное различие есть и у пары слов *водитель* и *шофер*.

Мы видим, что в связи с обращениями возникает много вопросов. На некоторые из этих вопросов нет логичного ответа. Так, способность использоваться в качестве

¹ Работа над темой финансируется Российским Государственным гуманитарным фондом, проект N08-04-00165а.

обращений – это словарное свойство слов. Отчасти это свойство может быть объяснено традициями использования слов *доктор, врач, таксист, водитель, гость, друг, сосед, офицер, зритель, пассажир* и других. Но постоянного признака «хорошего» обращения выделить не удастся, поэтому, изучая иностранный язык, мы должны просто запомнить, какие слова можно использовать в качестве обращений, а какие – нельзя. Кроме того, нужно знать, какие обращения и в каких ситуациях следует использовать. Так, обращаясь к аудитории, скажем, с поздравлением, объявлением или тостом, мы можем сказать и *Друзья!*, и *Дорогие друзья!*, а также и *Господа!*, но обратиться к аудитории со словами *Дорогие господа!* мы не можем. Значит, при слове *господин*, в словаре следует указать, что к обращению *господа!* прилагательное *дорогие* неприменимо. Про некоторые обращения следует знать, что они используются только в начале официальной речи, например, *Офицеры, разрешите поздравить вас...!*; *Дамы и господа! Сегодня у нас замечательный день!*. В других же ситуациях общения, например при желании говорящего с помощью обращения поддержать уже начатый контакт, они будут выглядеть неуместно. Так, предложения с обращениями, *Позвольте, дамы и господа, на этом закончить;* *Об этом мы поговорим на следующем заседании, офицеры!* кажутся не совсем удачными, а те же предложения, но с обращениями *господа* или *коллеги* звучат совершенно естественно: *Позвольте, господа, на этом закончить;* *Об этом мы поговорим на следующем заседании, коллеги!* Аналогично, мы можем позвать на помощь медсестру в больнице, обратившись к ней со словами: *Сестра, скорее, моему соседу плохо!* Такое обращение уместно в ситуации удаленного и срочного зова, а когда мы спокойно беседуем с медсестрой, например после процедуры, обращение *сестра* будет выглядеть неуместно: *Большое спасибо, сестра!*. Аналогичное обращение к доктору *Большое спасибо, доктор!* звучит совершенно нормально, между тем к медсестре обращаются *Сестра!*, только когда зовут ее на помощь.

Можно также заметить, что для некоторых слов в словаре следует указать и их грамматическое число, в котором эти слова используются в качестве обращений, потому что в роли обращений слово может функционировать только в какой-нибудь одной форме, например, только во множественном или только в единственном числе. *Друзья!* и *Господа!* – это обращения, которые можно использовать в очень широком кругу различных ситуаций общения, а обращения *Друг!* и *Господин!* – в единственном числе – могут использоваться только очень ограниченно: мы не можем обратиться к незнакомцу со словами *Господин! Не подскажете ли, где тут метро?*, при том, что обращение *Господа! Посторонитесь, пожалуйста, у меня тут коляска с ребенком*, хоть и несколько старомодное, но все-таки не выходит за рамки нормы. И наоборот, *Профессор!* – это

«хорошее», хоть и несколько устаревшее, обращение (естественно, в академических кругах), а *Профессорá!* – нет. Между тем *Коллега!* и *Коллеги!* прекрасно звучат при обращении и к одному слушающему, и ко многим. Тем самым, обращаясь по-русски к профессорам, мы называем их *Коллеги!* и *Господа!*, но не *Профессорá!*. Выше мы говорили о том, что *Доктор!* – это «хорошее» обращение, между тем обращение *Докторá!* по каким-то причинам в русской речи не используется.

Итак, про слова нужно знать, хороши ли они для использования в качестве обращения. И не всегда можно понять, почему они хороши или плохи: надо только запомнить, какие из них хороши, а какие нет. И стоит составить специальные словари для иностранцев, в которых про имена лиц будет указано, могут ли они использоваться в качестве обращений, а если могут, то в форме какого грамматического числа – единственного или множественного, а также в какой функции – зачина официального сообщения, как *Офицеры!*, или в разнообразных функциях, как *Коллега!* и *Коллеги!*.

Между тем на некоторые вопросы мы все-таки могли бы дать ответы. Попробуем ответить на такой интересный вопрос: существуют ли в русском языке способы построить «хорошие» обращения из «плохих», а также как из «хороших» обращений получить такие формы обращений, которые могут быть только обращениями?

Прилагательные *уважаемый* и *дорогой* и междометие *Эй!*

С одним из средств образования обращений мы уже столкнулись выше. Это слова *уважаемый* и *дорогой*: там, где не говорят *Пассажиры!*, можно сказать *Уважаемые пассажиры!*. Другое средство – это междометие *Эй!*: *Эй, пассажиры! Вы куда?*. Какие другие способы образования обращений устоялись в русском этикете и закрепились в языке?

Местоимение *мой*

Мощным средством образования обращений служит местоимение *мой*. Оно присоединяется ко многим словам, которые вообще не предназначены для именованья человека, например, к именам свойств (*Золотой мой!*; *Лохматенький мой!*; *Мой пушок!*), к абстрактным именам (*Моя радость!*; *Горе мое!*; *Счастье мое!*), к именованьям растений и животных (*Ласточка моя!*; *Березка моя!*; *Рыбка моя!*; *Птичка моя!*), космических объектов (*Моя звездочка!*; *Солнце мое!*). У местоимения *мой* в обращениях есть

дополнительный смысл: обращения с *мой* сообщают ситуации общения особую интимность. *Мой* образует обращения к близкому другу, родственнику, ребенку на улице, к которому мы прониклись особым расположением.

Образование обращений с местоимением *мой* – это очень широко используемый или, как говорят в лингвистике, продуктивный, способ образования новых обращений. Этот способ непродуктивен только в сочетании с именами собственными и в сочетании с именами родства. Обращения типа *мой* плюс имя собственное, например *Мой Вася!*, использовались в прошлом, но в современном общении уже устарели, а с именами родства местоимение *мой* образует обращения особого типа со значением родства во Христе: *сын мой!*, *дочь моя!*, *брат мой!*, *отец мой!*. Обращения *дочь моя!*, *друг мой!*, *отец мой!*, в принципе, могут использоваться и при обращении к близким или к родственникам, но только в возвышенном стиле речи. Это непродуктивный способ образования обращений с особым – застывшим – порядком слов, когда местоимение расположено на втором месте после существительного, а на месте имени родства могут фигурировать слова только из определенного набора терминов родства. У многих терминов родства обращения с *мой* вообще практически не образуются: мы не говорим [?]*мать моя!*, [?]*мама моя!*, [?]*внук мой!* за исключением только, может быть, обращений умиления, таких как *Внучок мой!* *Лапочка!*, которые, как правило, включают уменьшительно-ласкательный суффикс, произносятся с особой интонацией умиления и попадают в класс обращений интимного общения, о котором мы говорили в предыдущем абзаце, таких как *Золотко мое!*.

Уменьшительно-ласкательные суффиксы

Другой интересный способ образования обращений – это использование уменьшительно-ласкательных суффиксов. Выше мы говорили, что форма *Друг!*, в отличие от формы *Друзья!* – это не очень широко используемое обращение. Формы *мой друг!* и *друг мой!* с местоимением *мой* – это «хорошие», не несколько устаревшие обращения, а вот обращения *Дружок!* и *Дружочек!* – это прекрасные обращения, которые широко используются в общении между близкими людьми, а также при обращении к детям, например, в детских передачах. От слова *друг* образуется и другое обращение, наоборот, со значением «большой». Это обращение *Дружище!*, которое ни в какой другой функции, кроме как в роли обращения, не используется.

Уменьшительно-ласкательные суффиксы в обращениях, образованных от терминов родства, очень широко распространены в просторечии, где их употребление теперь уже не

связано с нежным отношением говорящего к слушающему: *Браток!*; *Сынок!*; *Дочка!*; *Доченька!*; *Дяденька!*; *Тетенька!*; *Папаша!*; *Мамаша!*; *Деточка!*. О родственных связях между говорящим и слушающим обращения такого типа тоже ничего не говорят: они отражают только возрастные и половые различия: *Дяденька!* – это обращение ребенка к взрослому мужчине, *Папаша!* – это обращение взрослого человека к пожилому мужчине, а *Деточка!* – обращение взрослого к ребенку.

Новый русский вокатив

Интересным средством образования обращений служит так называемый новый русский вокатив. Мы знаем, что вокативом в лингвистике называют специальный звательный падеж, или падеж обращений. Почему новый русский вокатив называется новым и есть ли в русском языке старый вокатив? И от каких слов образуется новый вокатив – от «хороших» обращений или от «плохих»?

Про старый русский вокатив известно, что это застывшие формы звательного падежа, которые в древнерусском языке образовывались от имен лиц регулярно, а в современном русском языке сохранились только у ограниченного множества слов. *Боже, отче, старче, сынку, человеце, друже, Господи!* – это формы старого вокатива, которые используются в молитвах (например, *Отче наш* со значением ‘О, наш отец’), в цитатах из литературных произведений (*Чего тебе надобно, старче?* со значением ‘Что тебе нужно, старик?’), в обращении *Друже!*, которое сохранилось в эпистолярном стиле у некоторых говорящих и пишущих по-русски, – оно иногда встречается в начале письма, в восклицаниях *Боже!*, *Боже мой!*, *Господи!* а также в шутках и стилизациях под старинную речь (*Эй человеце, не робей!* – из интернета). *Друже* – это звательная форма (или звательный падеж) от *друг*, *старче* – от *старик*, *человеце* – от *человек*. Многие носители русского языка уже не ощущают, что формы *старче*, *друже* и *человеце* раньше использовались только в звательной функции и употребляют эти формы на месте именительного падежа (*Один добрый человеце запретил мне называть это маразмом...* – из интернета) или даже косвенных падежей (*Рыбка старче отвечала* – из интернета). Можно считать, что формы *старче* и *человеце* – это «застывшие реликты» старого русского вокатива, которые в современном языке практически утратили звательную функцию.

Что же называется новым русским вокативом? Формы нового русского вокатива – это обращения, образованные от русских имен лиц с окончанием *-а* или *-я* (*Мам!*; *Вась, а Вась!*; *Подвинься, Зин;* *Я, Вань, такую же хочу;* *Ребят, сюда!*), кроме слов на *-ья* (*Марья, Прасковья, Меланья: ?Марьй, а Марьй!*) и других исключений, о которых мы скажем ниже.

Новый русский вокатив, в отличие от старого, используется в неформальных условиях общения: *Зин!*, *Теть!* – это обращения к близкому человеку и в неофициальной обстановке.

Новый русский вокатив образуется от слов, которые выше мы назвали «хорошими» обращениями, т.е. таких, которые легко используются в роли обращений и в форме именительного падежа, т.е. и без специального звательного падежа. Это самые распространенные собственные имена и термины родства, которые служат для называния родственников в семье: *мама, папа, бабушка, баба, дедушка, тетя, дядя*. Здесь поясним, что большинство терминов родства в современном русскоязычном общении не служит для обращения членов семьи друг к другу. К таким терминам родства относятся слова *зять, свекровь, невестка, теща, племянница, муж, жена* и многие другие, потому что невестка и свекровь называют друг друга по имени и по имени и отчеству. Таков современный русский этикет. Даже родители, за исключением ситуаций, требующих особой торжественности, называют своих детей по имени. Когда мы слышим *Сын!*; *Дочь!* – это свидетельствует о том, что родители готовятся сказать что-то особенное. Заметим здесь также, что уменьшительно-ласкательные суффиксы немедленно переводят эти обращения в уместную в нейтральном общении между «отцами» и «детьми» форму: *Сынок!*; *Доченька!*.

Вернемся к новому вокативу. Что нужно знать иностранцу для правильного образования нового русского вокатива? Новый русский вокатив образуется от имен собственных и нарицательных, которые имеют **ударение на втором слоге от конца**. Таких имен на *-а* и *-я* большинство: *Вася, папа, Марина, Валера, ребята, девочки*.

У имен собственных на *-а* и *-я*, которые имеют ударение на третьем слоге от конца, образование нового русского вокатива невозможно либо, как принято говорить в таких случаях, затруднено. Это имена *Бáрбара, Валерия, Лидия, Калерия, Оливия, Офелия* и имена с некоторыми уменьшительно-ласкательными суффиксами *Коленька, Сонечка, Аннушка*. Мы не говорим: [?]*Бáрбар, а Бáрбар!*; [?]*Сонечк, а Сонечк!*; [?]*Николеньк, а Николеньк!*.

Сравним имена *Лидия* и *Лия*. Структура имени *Лидия* не соответствует условиям образования нового русского вокатива, поэтому обращение [?]*Лидий, а Лидий!* звучит неестественно, а обращение, образованное от имени *Лия* с ударением на втором слоге от конца, – *А ну-ка, Лий! Поди-ка сюда!*, как кажется, вполне нормативно.

Интересно, что имена с другими уменьшительно-ласкательными суффиксами *-уш-а, -юш-а, -ул-я, -юл-я, -ун-я, -юн-я, -ус-я, -юс-я* и с несущим грубоватый оттенок суффиксом *-к-а*, у которых ударение приходится на второй слог от конца, в отличие от имен с

суффиксами *-еньк*, *-оньк*, *-очк*, и *-ечк*, наоборот, легко образуют новый вокатив: *Ванюш!*; *Сашуль!*; *Колюнь!*; *Татусь!*, *Людк*, а *Людк!*.

Образуют новый русский вокатив и женские отчества на *-а* с ударением на втором слоге от конца. Это отчество *Петровна* и отчества в так называемой стяженной (или укороченной) форме *Николавна* (из *Николаевна*), *Михална* (из *Михайловна*), *Матвевна* (из *Матвеевна*), *Андревна*: *Петровн*, а *Петровн!*; *Николавн*, а *Николавн!*; *Михалн*, а *Михалн!*, но не [?]*Никитишин!*, [?]*Федоровн!*, [?]*Марковн!*, потому что в соответствующих отчествах ударение приходится на третий слог от конца. Употребление отчеств без имен принадлежит особому – устаревающему – этикету. Однако в шутку такие имена, как *Петровна* (и *Петрович*), – и не только в обращениях – могут использоваться и молодыми носителями русского языка и культуры. Во всяком случае эти формы остаются понятными всем носителям русского языка, даже если и не используются ими.

Форма нового вокатива образуется не только от обращений-отчеств, таких как *Петровна* и *Михална*, но и от полных имен-отчеств в стяженной форме. К таким относятся самые распространенные женские имена-отчества *Марь Санна* (из *Мария Александровна*) и *Марь Ванна* (из *Мария Ивановна*) оба с ударением на втором слоге от конца. Эти имена легко образуют формы нового вокатива в полном соответствии с общим принципом: *Марь Санн*, а *Марь Санн!*; *Марь Ванн*, а *Марь Ванн!* В принципе, возможны и аналогичные обращения, образованные от других имен-отчеств: *Анн Ванн!*; *Оль Санн!*; *Санн Санн!*.

Еще одну интересную задачу для лингвиста ставят слова с ударением на третьем слоге от конца *бабушка* и *дедушка*, а также слово *девушка*, которые тоже способны образовывать новый вокатив: *Бабушк*, а *бабушк!*. Этому исключению можно предложить следующее объяснение. Оно аналогично тем, которые были даны выше формам *Михалн*, а *Михалн!* и *Марь Санн*, а *Марь Санн!*. Часто используемые в роли обращений существительные *бабушка*, *дедушка* и *девушка*, как и имя *Мария Александровна*, тоже имеют стяженные – своего рода «стершиеся» – формы *баушка*, *де-эшка* (*дешка*), и *деушка* соответственно. В этих формах на месте первых двух слогов *бабу-*, *деду-* и *деву-* фигурирует один слог *бау-* с дифтонгом *ау*, *деэ-* с дифтонгом *еэ*, и *деу-* с дифтонгом *еу*. Для сравнения можно вспомнить дифтонги в европейских языках – английском, немецком и французском, где дифтонг представляет собой один звук и, соответственно, образует один слог. Тогда звательный падеж от форм *баушка*, *деэшка* (*дешка*) и *деушка* образуется в полном соответствии с условием расположения ударения на втором слоге от конца. Это часто встречающиеся в разговорной речи и зафиксированные в литературе звательные формы *баушк!* (а также просто *башк!*), *деэшк* (*дешк!*) и *деушк!*. Можно предположить, что

обращения без стяжения *бабушк!*, *дедушк!* и *девушк!* образуются по аналогии с *баушк!*, *дешк!* и *деушк!*.

По поводу сокращения слов, употребляющихся в роли обращений, известно, что они «стираются» от частого употребления на протяжении длительных периодов времени. Об этом пишет в связи со староиспанским обращением *Vuestra Merced* (Ваша милость!), превратившимся в современном испанском в *Usted* (Вы), Вяч. Вс. Иванов. Стоит также сравнить так называемый русский словоер, например в *Да-с!*, *Нет-с!*, *Сию минуту-с!*, развившийся из обращения *Сударь!* (*Да, сударь!*; *Нет, сударь!*). Аналогичным стяжениям подверглись и имена, которые часто используются в роли обращений: *Михайловна* (которое преобразовалось в *Михална*), *бабушка* (которое преобразовалось в *баушка* и *бáшка*), *девушка* (которое преобразовалось в *деушка*), *Мария Александровна* (которое преобразовалось в *Марь Санна*).

Не образуется новый русский вокатив от имен на *-а* с ударением на последнем слоге, например, от таких имен, как *Кузьма*, *Фома*, *Мустафа́*, *Джамиля* и *Фаридá*.

Как мы видим, правила образования нового русского вокатива не совсем простые, но важно, что то, что нужно знать о новом вокативе, можно записать именно в виде правил, которые могут применяться к большим классам слов, а не в виде информации о каждом конкретном слове в словаре.

***Эй, на барже!*: место слушающего как обращение к нему**

Интересным средством образования обращений служит русская конструкция с междометием *Эй* плюс имя места, в котором находится слушающий, например, *Эй, на барже!* Имя места может показаться неожиданным способом обращения к слушающему, но такой тип зова слушающего довольно часто используется в русской речи, например, когда говорящий видит, что на капитанском мостике кто-то есть, но он не знает или не видит кто именно. И тогда говорящий кричит: *Эй, на мостике!*. На первый взгляд может показаться, что такие обращения принадлежат исключительно морскому языку. Действительно, около 70 процентов обращений с *Эй* плюс имя места, которые встретились нам в интернете, касались водной тематики. Вот некоторые примеры: *Эй, на барже! Кидай якорь!*; *Эй, на том берегу!*; *Эй, на Акуле!* - крикнул капитан; *Эй, на линкоре!*; *Эй, на острове!*; *Эй, на корабле!*; *Эй, на судне!*; *Эй, на шхуне!*; *Эй, на мостике!*; *Эй, на ледоколе!*; *Эй, на лодке!*; *Эй, на румбе!*; *Эй, на берегу!*; *Эй, на борту!*; *Эй, на палубе!*; *Эй, на шлюпке!*; *Эй, на буксире!*; *Эй, на катамаране!*; *Эй, на руле! Круче к ветру!*; *Эй, на «Беде», счастливого плавания!*; *Эй, на буксире, прими конец!*; *Эй, на «Малыгине!»;*

Эй, на баркасе!; *Эй, на желтой лодке!*; *Эй, на камбузе!*; *Эй, на мостике!*; *Эй, на плотике!*. Однако оказывается, что «сухопутные» обращения такого типа тоже встречаются: *Эй, на задней площадке, все оплатили проезд?*; *Эй, на верблюде!*; *Эй, на трибуне!*; *Эй, на узике!*. Значит, объяснять функции и особенности обращений по месту следует не принадлежностью к общению между собой морских волков, а особыми условиями, при которых используется обращение по месту.

Когда можно использовать обращение по месту? Почему *Эй, на трибуне!* – это «хорошее» обращение, а *Эй, в лесу!* и *Эй, в поле!* – «плохие»? Почему даже морская тематика не спасает обращение *Эй, на барже!*, если говорящий находится на другой барже? Почему, когда мы говорим *Иди вниз!*, низ понимается с точки зрения слушающего – здесь слушающий находится высоко и должен спуститься ниже (где находится говорящий, в данном случае неважно: он может быть и выше, и ниже, и на одном уровне со слушающим), а когда мы говорим *Эй, внизу!*, низ рассчитывается, наоборот, с точки зрения говорящего? И наконец, почему, когда мы слышим *Эй, на берегу!*, это значит, что говорящий находится на воде, а не с другой стороны, скажем, на шоссе, идущем вдоль берега?

Ответы на эти вопросы должны помочь нам составить описание условий обращения к слушающему в соответствии с тем местом, где он находится.

Прежде всего, слушающий должен находиться в месте, которое легко выделяется в пространстве или в некоей системе ценностей. О системе ценностей мы поговорим несколько ниже, а что касается пространства, то об этом можно заметить следующее. Идеальное место для слушающего, к которому можно обратиться со словами *Эй, на X-е!* – это лодка на водной глади, остров в океане, капитанский мостик, верхушка дерева на фоне неба, трибуна, сцена, вышка, при том что говорящий находится на известном удалении от этих точек. Обращения *Эй, в поле!* и *Эй, в лесу!* «нехороши» потому, что в них отсутствует выделенная точка, противопоставленная местоположению говорящего. Заметим попутно, что другой – менее удобный и менее этикетный способ обращения – по шляпе или по одежде – тоже основан на принципе легкого узнавания на общем однообразном фоне: *Эй, в шляпе!*; *Эй, в красной куртке!*.

Далее. Говорящий и слушающий должны находиться на объектах, противопоставленных друг другу в некоторой системе ценностей. Что здесь понимается под системой ценностей? Пусть говорящий едет в машине по шоссе, а слушающий стоит у дороги. Тогда говорящий может обратиться к слушающему со словами *Эй, на обочине!*, потому что дорога и обочина дороги принадлежат одной системе ценностей и представляют собой разные точки одной системы. Если же говорящий вышел из леса и

увидел слушающего, стоящего также на обочине дороги, он, скорее всего, обратится к нему со словами *Эй, у дороги!*, потому что кромке леса противопоставлена дорога, а не ее обочина. Обочина дороги противопоставлена не лесу, а прохожей или проезжей части дороги.

Приведем другие примеры. Мы говорим *Эй, на чердаке!*, если сами мы находимся в доме, скажем, на лестнице, ведущей на чердак. Если же мы сами находимся в другом доме или на улице, обращение к сидящим на чердаке другого дома *Эй, на чердаке!* оказывается неуместным. Здесь мы можем крикнуть (например, в громкоговоритель, как это бывает в детективных сериалах): *Эй, на вилле! Выходи по одному!*. Обращение *Эй, в доме!* Здесь тоже не подойдет, потому что вокруг дома могут быть другие дома, следовательно, место слушающего не будет считаться выделенной точкой. Не будет удачным и обращение *Эй, на даче!*, потому что дача (так же, как и дом), как правило, понимается как летний дом в кругу других таких же домов. Вилла же, а также хутор понимаются как центр достаточно большого незастроенного пространства, поэтому они больше подходят для обращения по месту, чем дома и дачи: *Эй, на хуторе!*. Хорошо подходят для обращений по месту строения, имеющие уникальные имена: *Эй, в «Приюте орла!»*; *Эй, в «Белом олене!»*; *Эй, в «Сороке и пне!»*. Однако это не могут быть названия слишком больших зданий, несоразмерных фигуре говорящего, который надеется докричаться до слушающего: обращения *Эй, в Кемпински!*, *Эй, в Хилтоне!* в прямом – не-метафорическом – значении невозможны.

Таким образом, именование говорящим слушающего зависит не только от того, где находится слушающий, но также и от того, где находится сам говорящий, а также от того, образуют ли место расположения говорящего и место расположения слушающего естественную систему, такую как дорога — обочина, край леса — дорога, идущая вдоль леса, трибуна — зал, водоем — берег. Именование слушающего без учета системы ценностей, по-видимому, тоже возможно, но предпочтительны обращения, которые учитывают такие противопоставления.

Объясним теперь, почему важно, чтобы в обращении по месту точкой отсчета (или центром ориентации в пространстве) служила фигура говорящего, т.е. почему, когда мы говорим *Эй, внизу!*, это значит, что говорящий находится выше слушающего, а когда мы говорим *Эй, на том берегу!*, это значит, что «тем берегом» именуется берег, противоположный берегу, на котором находится говорящий.

Кто станет точкой отсчета – говорящий или слушающий – действительно важный признак значения многих высказываний. Покажем сначала, что не во всех высказываниях точкой отсчета служит именно говорящий. Когда мы говорим слушающему *Скажи маме,*

чтобы она завтра пришла в школу!, мы имеем в виду маму слушающего, а когда мы говорим *Спускайся вниз!*, низ тоже понимается с точки зрения слушающего. В обращении же по месту точкой отсчета служит именно говорящий. Об этом говорят обращения *Эй, внизу!*; *Эй, наверху!*; *Эй, на том берегу!*, где низ, верх и противоположный берег отсчитываются от того места, на котором расположен говорящий.

Мы показали, что в обращениях по месту есть немало ограничений. Говорящий и слушающий должны располагаться на разноименных объектах, которые принадлежат одной системе ценностей, слушающий должен находиться в выделенной точке пространства, и точкой ориентации в этом пространстве должна служить фигура говорящего.

Последнее замечание, которое тут можно сделать, состоит в том, что если какое-либо из условий называния слушающего по месту не выполняется, добавление в обращение местоимений *ты* и *там* (*Эй ты, на дороге!*; *Эй там, в поле!*; *Эй ты, там на улице!*) восстанавливает соблюдение указанных условий, потому что превращает место расположения слушающего в противопоставленную и соразмерную фигуре говорящего выделенную точку, которая называется *там* (т.е. в том месте, которое противопоставлено месту говорящего), или понимается как место слушающего, который противопоставлен говорящему и называется *ты*.

Мы рассмотрели некоторые свойства русских обращений. Как оказалось, обращения вызывают много вопросов. Некоторые свойства обращений еще ждут своего объяснения, а если не объяснения, то хотя бы того, чтобы быть зафиксированными в грамматике или в словаре языка. Некоторые вопросы остались на будущее. Вот некоторые из них. Почему в русских обращениях к удаленному слушающему акцентируется последний слог, а не ударный? Так, когда мы кричим *Василий Федорович! Ау-у!*, ударение приходится на последний слог *-вич*, а не на ударный слог *Фё-*. Почему, если мы обращаемся к слушающему с легким упреком, акцентируется первое слово в его имени или титуле (*Марья Ивановна, ну как же так?!; Ва-аша честь, ну как же так?!*), а если с резким возмущением – то последняя (*Марья Ивановна, прекратите это безобразие!*; *Ваша честь, вы же осуждаете невинного!*)? Как образуются обращения в других языках? Переходит ли ударение с ударного слога на последний при обращениях в английском языке? Переходит ли в других языках ударение с существительного на местоимение? Можно ли по-английски сказать *Your Honour!* с акцентом на *your* или по-немецки *Herr Müller!* с акцентом на *Herr*? Образуются ли формы нового русского вокатива от фамилий на *-а* (*Бандура, Хмара, Шмыга, Петлюра, Тычина*), которые удовлетворяют условию

второго слога, и от слова *воевода*, которое тоже удовлетворяет этому условию? Почему новый русский вокатив легко образуется от имен *Инна* и *Алла* (*Инн, а Инн!*; *Алл, а Алл!*), но плохо – от имени *Анна* (*?Анн, а Анн!*)? Поиск ответов на эти и другие вопросы – это дело будущего.